

М. В. Рейли (Санкт-Петербург)
**Сказка о курочке Рябе глазами студентов
Пекинского университета**

M. V. Reyli (Saint Petersburg)
**The tale of Ryaba the Hen through eyes
of Peking University students**

Аннотация

Статья посвящена межкультурным взаимодействиям. Проведен краткий анализ специфики восприятия и интерпретации образов-символов русской народной сказки разными этнокультурными группами – предполагаемыми носителями русской традиционной культуры и китайскими студентами Пекинского университета.

Ключевые слова: *сказка, миф, символ, межкультурные взаимодействия*

Abstract

The article is devoted to cross-cultural interactions. Russian folk tale images and symbols are briefly analyzed by different ethnocultural groups – the supposed bearers of Russian traditional culture and Chinese students of Peking University.

Keywords: *fairy tale, myth, symbol, cross-cultural interactions*

Моя история со сказкой «Курочка Ряба» началась со случайного знакомства с Еленой Валерьевной Маркасовой – доктором филологических наук, в настоящее время – профессором факультета русского языка и литературы Пекинского университета.

Она разработала уникальную методику обучения русскому языку с нуля. Методика эта основана на принципе обучения языку, использовавшемся нашими пра-прабабушками при общении с младенцами, детьми и внуками. Это лексический, интонационный, ритмический и грамматический запас, заключенный в детском фольклоре, начиная с междометий «ау», «агу» и др., пестушек, потешек, пальчиковых и других детских игр, присловий, считалок, сказок для малышей и т. п. То есть речь идет об обучении в игровой манере, что вызывает у студентов массу положительных эмоций и заметно облегчает усвоение материала, чему мне довелось быть свидетелем¹.

¹ В результате за 36 часов обучения ее слушатели могут читать русский текст со скоростью от 60 до 110 знаков в минуту (норматив 2–3-го класса российской школы).

В своей статье «Устная речь и проблемы фольклора» К. В. Чистов пишет, что «современной фольклористике важно было бы знать не только словесный текст, но и его восприятие в прошлом. Важно было бы знать все об его исполнителе и слушателях, о ситуации, в которой он функционировал»².

В большинстве случаев мы ничего не можем сказать о том, как исполнение фольклорного текста происходило в прошлом и как оно воспринималось слушателями, но нам доступно изучение его восприятия и трактовки сегодня, нашими современниками: детьми и их родителями, специалистами в разных смежных областях и другими категориями возможных слушателей.

В связи с этим хотелось бы остановиться на одном эпизоде – трансформации, которую пережила русская сказка о курочке Рябе (ее краткий, хрестоматийный вариант), «попав в руки» китайских студентов Е. В. Маркасовой.

Напомним текст сказки: «Жил себе дед да баба, и была у них курочка ряба. Снесла курочка яичко: яичко не простое, золотое. Дед бил, бил – не разбил; баба била, била – не разбила. Мышка бежала, хвостиком махнула: яичко упало и разбилось. Дед и баба плачут; курочка кудахчет: “Не плачь, дед, не плачь, баба: я снесу вам яичко другое, не золотое – простое!”».

Как известно, в классических сказочных сборниках такого варианта этой сказки просто нет. Изначально она была включена в книгу К. Д. Ушинского «“Родное слово” для сельских школ» в качестве методического материала³. В подавляющем большинстве русских сказок (как и украинских и белорусских) сказка имеет развернутый текст⁴. Но во всех них чаще встречается обратная ситуация: мышка разбивает простое яйцо, а курочка обещает в утешение принести «не простое, а золотое» яичко.

Тем не менее В. Н. Топоров, например, возводил сюжет сказки к мотиву Мирового Яйца, которое раскалывает мифологический герой, и считал «Курочку Рябу» крайним, вырожденным вариантом этого мифологического представления⁵.

В СУС⁶ он присутствует в разделе «Разные добавления к анекдотам», т. е. жанр сказки не определен.

Как уже отмечалось рядом исследователей (В. Я. Пропп, С. Ю. Неклюдов и др.), все сказки (и не только они, но и весь творческий пласт народной культуры) – это один большой текст (или прототекст) и в то же время контекст для

² Чистов К. В. Устная речь и проблемы фольклора // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации / Отв. ред. И. И. Костюшко. М., 1988. С. 326.

³ Ушинский К. Д. Родное слово для детей младшего возраста. Год первый. Азбука и первая после азбуки книга для чтения, с прописями, образцами для первой рисовки и картинками в тексте / Сост. К. Ушинский. СПб., 1895. С. 27–28.

⁴ См., например: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М., 1984. Т. 1. № 70, 71.

⁵ Топоров В. Н. Яйцо мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 681.

⁶ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. Сюжет 2022В=АА *241 III, 2022 Разбитое яичко. С. 383.

каждого отдельно взятого из этого пласта художественного произведения. Степенью наличия или отсутствия этого контекста и отличается восприятие слушателей разных возрастных категорий и разных социальных слоев.

Какие ассоциации гипотетически возникают при чтении этой сказки у носителя русской традиционной культуры?

1. Итак, в сказке сначала была все-таки курица. В быту курочка Ряба, т. е. птица с пестрой окраской, семантически сродни кукушке, ястребу и иже с ними, которые в традиционном фольклоре существуют в контексте птиц-медиаторов между миром людей и миром духов-предков⁷.

2. Яйцо (золотое): сказочные сюжеты «Три царства: золотое, серебряное и медное» (где каждое царство сворачивается в яйцо, одно из которых золотое), «Смерть Кощея в яйце»; пасхальные яйца, воплощающие идею бессмертия, воскресения и вознесения; троичная обрядность (желтые яйца, яичница – главное обрядовое блюдо), связанная с культом предков и плодородия; яйцо как космогонический символ, который можно обнаружить в большинстве мифологических традиций.

3. Мышь у славян – нечистое хтоническое животное, связанное с подземным миром, иногда отождествляемое с домовым нарядом с лаской⁸.

У психолога Е. Клюева в его книге «Между двух стульев»⁹ есть история, которая представляется нам наиболее оригинальной и достоверной с точки зрения сказочного пространства из всех существующих версий¹⁰. Он пишет, что одному его знакомому сказка «Курочка ряба» очень не нравилась. Он не понимал ее, и поступки героев этой сказки казались ему дикими выходками. Он рассуждал примерно так: «Жили себе дед да баба. Была у них курочка ряба» – это нормально. «Снесла курочка яичко – яичко не простое, а золотое» – предположим.

А вот дальше... Дальше начинаются совершенно не мотивированные действия героев. «Дед бил, бил – не разбил». Зачем, спрашивается, он это яичко бил, если понял, что оно золотое? Золотые яйца не бьются – каждому ясно. «Баба била, била – не разбила» – экая глупая баба! <...> ее и печальный пример деда ни в чем не убедил. <...> «Мышка бежала, хвостиком махнула – яичко упало и разбилось». Как же оно, интересно, разбилось, когда золотые яйца не бьются? <...> А потом – «Плачет дед». С чего бы это? Ведь за минуту до разбиения яйца мышью сам он стремился к тому же результату! <...> «Плачет баба» – опять же глупая баба! <...> «А курочка кудахчет: «Не плачь, дед...»». – Если курочка ряба умеет говорить, то почему же раньше она молча следила за бессмысленными поступками деда и бабы, почему не возмутилась, не объяснила ситуации? Подозрительная курица... Так вот, она говорит: «Не плачь, дед, не плачь, баба, снесу

⁷ Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). С. 36–39.

⁸ Гуря А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. (Традиционная духовная культура славян). С. 203, 276.

⁹ Клюев Е. В. Между двух стульев. М., 1988.

¹⁰ Конечно, не столько с мифологической, сколько с «психоаналитической» точки зрения. Скорее этот рассказ предостерегает от упрощенно-бытовой интерпретации сказочного текста.

я вам яичко другое – не золотое, а простое!” Тоже мне, утешение: плакали-то они о золотом!.. И вообще – будь яичко с самого начала простым, никакой трагедии не произошло бы: дед благополучно разбил бы его с первого раза без посторонней помощи. И даже баба бы разбила. Но на этом сказка кончается. Что ж это за сказка такая? А вот представим себе: “Жили себе дед да баба. Была у них курочка ряба. Снесла курочка яичко – яичко не простое, а золотое. Обрадовался дед. Обрадовалась баба. Взяли они яичко и понесли на рынок. И там за это золотое яичко продали им десять тысяч простых. Сто яичек они съели, а остальные протухли”... Чудная сказка! Я дарю ее моему знакомому: пусть рассказывает своим внукам и правнукам про оборотистых деда и бабу. Остается открытым вопрос: что же все-таки делать с золотым яичком?»¹¹

А делать с золотым яичком нечего, так как деду с бабой было послано чудо из другой реальности, яйцо – символ бессмертия. Они же обошлись с этим чудом, как с обычным бытовым предметом, а когда оно все-таки было, по их желанию, разбито вестницей иного мира, мышкой, они вдруг осознали, что у них в руках было Чудо, Дар, а они его упустили. То есть «каждому свое». Вот такой вариант можно предложить в качестве мифо-психологической трактовки. Как вам такое толкование?..

Какой же подтекст, который гипотетически мог повлиять на восприятие ханьскими студентами русской сказки, существует в культурном слое китайских мифологических представлений? Подразумевается, что студенты Пекинского университета – это юная интеллектуальная элита Китая, скорее всего имеющая представление о содержании символов мирового культурного наследия, а также о собственной традиционной культуре и мифологии.

Мы приведем лишь те сведения, которые так или иначе связаны с образами-символами нашей сказки и ее интерпретацией ханьскими студентами.

1. В Южном Китае курица (*дзи*) выступает в роли творца: черная и белая куры откладывают по девять яиц каждая, из которых вылупляются, соответственно, плохие и хорошие люди. Кровь черной курицы способна отгонять злых духов¹².

В сказке «Три золотых волоса» рассказывается, что в одной деревне случилась беда: в деревне появляется птица, которая называется золотой курицей. Живет она на самом высоком дереве и днем спит. Но стоит только солнцу зайти, как она начинает петь и поет до самого рассвета. А поет она все громче и громче, и песня ее становится все чудеснее. Слушая ее, никто не может глаз сомкнуть»¹³. Но при этом обычный жизненный цикл нарушается: «все навыворот: днем – ночь, а ночью – день». Герой при помощи золотого волоса ловит птицу, и та, в обмен на жизнь, соглашается нести ему по три золотых яйца. Тем самым восстанавливается обычный ход времени. Курица, несущая золотые яйца, является символом богатства.

¹¹ Клюев Е. В. Между двух стульев. М., 1988. С. 13–14.

¹² URL: <https://misteli.wordpress.com/2013/11/01/totem-chicken/> (дата обращения 06.05.2019).

¹³ Волшебная флейта: Сказки и легенды народов Китая. Новосибирск, 1989. С. 30.

В китайской мифологии есть еще один синкретический образ чудесной птицы – феникс (фэнхуан). А. Н. Чистякова в своем труде подробно анализирует этот образ¹⁴. Остановимся тезисно на отдельных его качественных характеристиках, которые могут создавать контекст для восприятия ханьскими слушателями нашей сказки.

В «Каталоге Южных гор» говорится: «[Там] водится птица. Она похожа на петуха, пятицветная, с разводами. Называется феникс (фэнхуан). Узор на [ее] голове похож на [德] дэ (добродетель), на крыльях – на [义 [義]] и (справедливость), на спине – на [礼 [禮]] ли (благовоспитанность), на груди – на [仁] жэнь (совершенство), на животе – на [信] синь (честность). Она ест и пьет, как обычная птица, сама поет и сама танцует. Когда [ее] увидят, в Поднебесной наступает спокойствие и мир»¹⁵.

Функционально птица феникс связана с пятью основными добродетелями¹⁶, с хтоническим миром, а также с духами предков, с музыкой и танцами¹⁷. В то же время это символ восходящего солнца и зарождения новой жизни¹⁸. Если феникс несет яйцо или рисовое зернышко, то в данных сюжетах феникс – это птица-прародитель¹⁹.

Сюжет о фениксе – птице-прародительнице встречается и у П. С. Попова в его работе «Китайский пантеон». О рождении бессмертного по имени Сунь существует легенда: его мать увидела во сне золотого феникса с жемчужиной в клюве, жемчужина упала в ее лоно, отчего она забеременела и родила сына²⁰.

В сказках эта птица также связана с богатством. Фениксы, которые были пойманы героем и по их просьбе отпущены на свободу, в знак благодарности взмыли вверх, снесли в воздухе два яйца, которые подарили герою, велев каждый день, когда солнце стоит в зените, класть их на солнцепек, приговаривая: «Феникс, Феникс! Царь птиц! Пошли мне золота и серебра!» Тогда с неба ему упадут «десять кусков золота и десять кусков серебра»²¹.

2. Яйцо. В источнике III в. до н. э. встречается рассказ о китайском первопредке Паньгу. Когда «вселенная представляла сплошной хаос и по форме напоминала огромное куриное яйцо», в нем зародился Паньгу, который, про-

¹⁴ Чистякова А. Н. Феникс в мифологизированных описаниях (по материалам мифов и сказок Китая) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2007. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. С. 179–188.

¹⁵ Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Предисл., пер. и коммент. Э. М. Яншиной; отв. ред. Т. В. Степугина. М., 1977. С. 32.

¹⁶ Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. М., 1978. С. 34. Ср.: Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1987. С. 183.

¹⁷ См., напр.: Кравцова М. Е. Поэзия древнего Китая. СПб., 1994. С. 354.

¹⁸ Кравцова М. Е. Поэзия древнего Китая. С. 354.

¹⁹ Юань Кэ. Мифы древнего Китая. С. 162.

²⁰ Попов П. С. Китайский пантеон // Все о Китае. М., 2001. С. 317.

²¹ Волшебная флейта. С. 37.

снувшись, рассек его на две части: Землю и Небо, а впоследствии превратился в общего предка всех китайцев²².

Для китайцев яйцо – это начало жизни как в духовном, так и в физическом плане. Акт творения – круг, который, подобно яичной скорлупе, окружает инь и ян. Силы, соединяющие инь и ян, рожают совершенное равновесие пяти добродетелей²³.

3. Мышь. В мифологии Китая, Японии, Вьетнама, Кореи мышь почитается как один из знаков, приносящих денежный достаток. Кроме того, изображение крысы может означать пожелание продления и укрепления рода²⁴.

Но в нижеприведенном китайском тексте мышь не играет никакой роли, да и просто не упоминается.

По отношению к сказке о курочке Рябе резюме китайских студентов было очень кратким: яйцо – это Жизнь, а Жизни без Любви не бывает. В ответ на просьбу преподавателя сочинить собственную сказку на этот сюжет студенты поставили следующую пьесу²⁵:

米莎 登场，朗诵关于鸡蛋的故事。Миша поднимается на сцену. Рассказывает историю о яйце.

米莎：我就是这个蛋。【蹲下，做鸡蛋状】。

Миша: Я – это яйцо. [Приседает, чтобы принять форму яйца].

老奶奶：我在等这个蛋里的一只鸡。我等待，等待，等待，但什么也没发生。为啥？我要去问巫师。

Бабушка: Я жду цыпленка из этого яичка. Я жду, жду, жду, но ничего не происходит. Почему? Я иду спросить волшебника.

【老奶奶召唤巫师，巫师骑晾衣杆上场】 [Бабушка вызвала волшебника. Волшебник поднимается на сцену с вешалкой для одежды]²⁶.

巫师：嗨！一切都好吗？

Волшебник: Привет! Все в порядке?

老奶奶：不好，不好。我的睾丸不好。

Бабушка: Нехорошо, нехорошо. Мое яичко нехорошее.

巫师：让我想一想。

Волшебник: Дайте мне посмотреть.

【端详检查蛋】 [Заканчивает проверку яйца].

巫师：这个鸡蛋很特别。它需要很多花，很多歌和很多爱。

Волшебник: Это яйцо особенное. Для него нужно много цветов, много песен и много любви.

老奶奶：什么？我该怎么办？

²² Юань Кэ. Мифы древнего Китая. С. 40–41. По предположению В. В. Малявина, этот миф был перенят древними китайцами от южных соседей – народов мяо-яо. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2001. С. 418–419.

²³ URL: <https://kolobokos.livejournal.com/111593.html#/111593.html> (дата обращения 06.05.2019).

²⁴ URL: <https://znak-simvol.ru/simvolika-kitaya-zhivotnye-totemy-v-kulture-i-iskusstve> (дата обращения 06.05.2019).

²⁵ Пер. с кит.: проф. Ши Юпин, М. В. Рейли.

²⁶ Видимо, имеется в виду офисная вешалка.

Бабушка: Что? Что надо делать?

巫师: 去北京大学。也许你会在那里找到运气。

Волшебник: Идите в Пекинский университет. Может быть, вы найдете там удачу.

【巫师挥舞晾衣杆，场景换至北京大学】 [Волшебник размахивает вешалкой для одежды, сцена меняется на Пекинский университет].

【老奶奶守在蛋边唉声叹气】 [Бабушка, держащая яйцо, вздыхает].

【学生1携上】 [Подходит первый студент].

学生 1: 老奶奶，您为什么哭啊？

Студент 1: Бабушка, почему ты плачешь?

老奶奶: 鸡蛋需要很多花，很多歌，还有很多爱。我不知道该怎么办。

Бабушка: Яичку нужно много цветов, много песен, и много любви. Я не знаю, что делать.

学生 1: 我有玫瑰花色的。给它。我会唱英文歌。但是爱？我不知道。

Студент 1: У меня есть розовые цветы. Вот они. Я могу петь английские песни. Но любовь? Я понятия не имею, что это такое...

老奶奶: 求你了，好女孩！

Бабушка: Пожалуйста, хорошая девушка!

【学生 1 唱英文歌。唱罢，蛋没有开】 [Студент 1 поет песни на английском языке. Поет, яйцо не открывается].

学生 1: 我再等等，和您一起。

Студент 1: Тогда мы пойдем вместе.

【学生 2 携上】 [Студент 2 подходит].

学生 2: 奶奶，你在干什么？

Студент 2: Бабуля, что вы делаете?

学生 1: 这个蛋需要颜色，需要歌声，需要爱。我们不知道该怎么办！

Студент 1: Этому яйцу нужны цветы, нужны песни, нужна любовь. Мы не знаем, что делать!

学生 2: 嗯...我有红色的玫瑰花，给它。我会唱法语歌。但是爱？我不知道。

Студент 2: Хм... У меня есть красные розы (отдает их). Я буду петь французские песни. Но любовь? Я понятия не имею...

老奶奶: 求你了，好女孩！

Бабушка: Пожалуйста, хорошая девушка!

【学生 2 唱法语歌。唱罢，蛋没有开。】 [Студент 2 поет песню на французском языке. Поет, яйцо не раскрывается].

学生 2: 真抱歉！但我会跟你们一起等待的！

Студент 2: Мне так жаль! Но я буду ждать вместе с вами!

【学生3携圣诞树枝上】 [Студент 3 приносит ветки рождественской елки, подходит к ним].

学生 3: 你在干嘛？

Студент 3: Что вы делаете?

学生 2: 这个鸡蛋很特别。他需要很多花，很多歌和很多爱。

Студент 2: Это яйцо особенное. Ему нужно много цветов, много песен и много любви.

学生3: 我有绿色的圣诞树枝，给它。我会唱德语歌。但是爱？我不知道。

Студент 3: У меня есть зеленая ветка рождественской елки, отдайте ее. Я буду петь немецкую песню. Но любовь? Я не знаю.

老奶奶: 求你了，好女孩！

Бабушка: Пожалуйста, хорошая девушка!

【学生 3 唱德语歌。唱罢，蛋没有开】 [Студент 3 поет немецкую песню. Поет, яйцо не открывается].

学生3: 我再等等，和你们一起。

Студент 3: Я буду ждать и пойду с вами!

【学生 4 携上】 [Студент 4 подходит].

学生4: 你们在这里干什么？

Студент 4: Что вы здесь делаете?

学生3: 这个蛋需要颜色，需要歌声，需要爱。

Студент 3: Это яйцо нуждается в цветах, песнях и любви.

学生4: 我有？色的？送它。我会唱日语歌。但是爱？我不知道。

Студент 4: Что у меня есть? Цветок? Отдайте его. Я могу петь японские песни. Но любовь? Я понятия не имею.

老奶奶: 求你了，好孩子！

Бабушка: Пожалуйста, хороший мальчик!

【学生4唱日语歌。唱罢，蛋没开】 [Студент 4 поет японские песни. Поет, яйцо не открывается].

学生4: 我再等等，和你们一起。

Студент 4: Я подожду и пойду вместе с вами.

【巫师上】 [Подходит волшебник].

巫师: 奶奶，鸡蛋有什么新鲜事吗？

Волшебник: Бабушка, что нового с яйцом?

【众人摇头，叹气】 [Толпа качает головой и вздыхает].

【巫师检查蛋】 [Волшебник проверяет яйцо].

巫师: 我们需要另一朵花，我们需要另一首歌。我会用俄语唱歌。

Волшебник: Нужен еще один цветок, нужна еще одна песня. Я буду петь по-русски.

老奶奶: 不客气！

Бабушка: Пожалуйста!

【巫师唱俄语歌】 [Волшебник поет русскую песню].

学生1: 下雪了！

Студент 1: Идет снег!

巫师: 好极了！雪是白色的。

Волшебник: Отлично! Снег белый.

【蛋壳缓缓裂开。米莎慢慢站起来】 [Яичная скорлупа медленно трескается. Миша <он играет роль Яйца> медленно встает].

蛋：我看到美丽的花朵，我听到美妙的旋，我找到了爱。谢谢，谢谢，谢谢！

Яичко: Я вижу прекрасные цветы, я слышу чудесные звуки, я нашел любовь. Спасибо вам, спасибо, спасибо!

学生们：爱？哪里来的爱？什么爱？

Студенты: Любовь? В чем суть любви? Что такое любовь?

巫师：【哈哈大笑】：帮助那些需要它的人 – 这就是爱。送礼物 – 这就是爱。唱歌就是爱。一起等待也是爱。

Волшебник: [хохочет во все горло] Помогать тем, кто в этом нуждается – это и есть любовь. Дарить подарки – это любовь. Пение это любовь. Совместное ожидание – это тоже любовь.

众人：这太好了！

Все: Теперь все очень хорошо!

老奶奶：谢谢！我们唱吧！

Бабушка: Спасибо! Давайте споем!

众人：这次用中文！

Все: На этот раз на китайском языке!

【所有人唱中文歌】 [Все поют китайскую песню].

[全剧终] [Конец пьесы].

Какие же образы-символы здесь встретились?

5 человек-«помощников», 5 цветков – 5 цветов (хотя два цветка и два цвета остаются не конкретизированными), 5 песен на разных языках, последняя, 6-я песня – совместная, на родном языке, и «волшебная» вешалка для одежды.

Вернемся к традиционной китайской символической, исходя из уже имеющихся данных.

Итак, в пьесе упоминаются три основных цвета: красный (красная роза): (красный в Китае – цвет крови и жизни, радости и праздника, отпугивающий зло); зеленый (рождественские ветки ели) – цвет природы и жизни, он ассоциируется со всей растительностью²⁷.

Зеленый цвет (ветвь сосны) считался дополнительным к красному. Эта цветовая пара популярна в Китае в праздничном оформлении (ср. европейское Рождество). Зеленый и красный – цвета, которые в китайских сказках встречаются наиболее часто. Оба эти цвета символизируют течение жизни.

Белый цвет (снег) (песня на русском языке) в Китае считается отсутствием цвета. Белый цвет соотносится с золотом. Желтый – цвет земли, символизирующий центр. В Китае есть выражение «Желтый цвет порождает инь и ян», подтверждающее, что желтый цвет – главный среди всех остальных. Это цвет праведности, он тоже нейтрален. Но в нашем случае речь, скорее всего, идет о простой ассоциации России и снега.

²⁷ Здесь и далее символика цвета – с сайта: <https://znak-simvol.ru/tsveta-kitaya-znachenie-v-kulture-i-iskusstve/> (дата обращения 07.05.2019).

На пяти языках пять студентов поют песни: на французском, немецком, английском, японском, русском языках. Хотя объединяет их всех песня на китайском языке.

Так мы естественно подходим к последнему, основному, семантически значимому символу в китайской культуре – числу 5 – центральному числу, числу равновесия (5 первоэлементов, 5 добродетелей, пентатоника языка и пения и др.).

А. И. Кобзев, говоря о китайской нумерологии, сближает ее с пифагорейством как учением о музыкально-числовой структуре космоса, где «элементы чисел суть элементы всего существующего» и где «все небо есть гармония и число»²⁸. В традиционном Китае – государстве «ритуала (ли) и музыки (юэ)» – «вершиной традиционной китайской науки стала математическая теория музыки»²⁹. А. И. Кобзев пишет, что в центре онтологии нумерологических схем в Китае стоял «социализированный человек», и именно человеческий фактор «определяет специфику главных нумерологических классификаций, построенных на исходных числах 2, 3 и 5: “двоица образов” – инь и ян – женское и мужское начала; “три материала” – “небо, человек, земля” – система, сконцентрированная на человеке; пять элементов – “вода, огонь, дерево, металл, почва...”»³⁰.

Таким образом, «Великий Предел разворачивается в пятичастную структуру», где «речь идет о пяти фазах мирового цикла», а пятерница как математическая величина «объединяет в себе двоичность инь-ян и триаду творения, а потому является самым емким символом мироздания»³¹.

В студенческой пьесе все эти мотивы и символы объединяет тема преодоления и оживления косного, застывшего состояния «нехорошего яичка».

Чтобы жизнь проявилась, нужны совместные усилия многих людей, нужно, чтобы они принесли ей в дар красоту и гармонию в виде цветов и музыки, а также свои поддержку и любовь.

Волшебник, обладающий силой центрального белого (желтого) цвета, который соединяет воедино пять первоэлементов, приводит к рождению новой жизни.

Таким образом, простенькая короткая русская сказка-миф, или притча, трансформируется в более сложную по структуре волшебную сказку, по композиции больше напоминающую развернутый вариант русской, которая наполнена традиционной национальной символикой, где есть волшебник с волшебной «вешалкой-палкой» (символика здесь достаточно прозрачна), где присутствует ряд символов национальной культуры и поведенческих стереотипов, обусловленных социальной структурой и мироощущением ханьского народа.

К. В. Чистов в статье «Японская сказка и русский читатель»³² пишет об особенностях восприятия японских сказок русским читателем, используя

²⁸ Кобзев А. И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1994. С. 32.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 34.

³¹ Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2001. С. 300.

³² Чистов К. В. Японская сказка и русский читатель // Советская этнография. 1978. № 3. С. 155–162.

собственный тезис о ценности детских впечатлений для научного изучения сказки. Находясь с внуком на прибалтийском курорте, он наблюдал, как «чтение внуку (4 года) японских сказок постепенно превратилось из службы baby-sitting в научный эксперимент», в процессе которого «он должен был сопоставить мое и его восприятие японской сказки»³³. Цель этого эксперимента К. В. Чистов сформулировал следующим образом: «поймет ли ребенок, привыкший к русским сказкам, но не имеющий фольклористического опыта, японские сказки? как он будет их понимать (если это произойдет)? в чем причина понимания? что останется непонятным и что будет труднее всего объяснить?»³⁴

Мы остановимся на той части выводов, сделанных К. В. Чистовым в ходе проведения этого эксперимента, которая имеет отношение к теме нашей статьи, только с точки зрения восприятия русской сказки иностранцами.

К. В. Чистов говорит об экзотичности народной (а не литературно обработанной) сказки для современного взрослого человека, так как она связана «с определенной и конкретной социальной и локальной группой, ее диалектом, уровнем сознания, структурой сознания, эстетическими вкусами, т. е. этот текст изначально эзотеричен, предназначен “для своих”». Мир сказки «всегда экзотичен для обыденного восприятия»³⁵. Это «необыденное» ощущение и позволяет нам интуитивно вычленить сказку из обыденной речи.

Основная платформа для понимания «чужих» сказок, по мнению К. В. Чистова, – «в удивительном сходстве нравственной концепции» как русских сказок, так и сказок большинства других народов³⁶.

Главная составляющая сказки – победа добра над злом, справедливости над несправедливостью, выраженная не в дидактической форме (по принципу «что такое “хорошо” и что такое “плохо”»), а в художественной, где эта концепция не «понимается», что является целью науки, а угадывается и творчески переосмысливается слушателем (читателем).

«Именно это концептуальное сходство <...> сказок разных народов, – по мнению К. В. Чистова, – и обеспечивает возможность преодоления психологических, языковых и культурно-исторических барьеров при восприятии сказок другого народа» и именно этим сходством объясняется «интернациональная ценность каждой сказочной традиции, несмотря на ее интимную связь со своей этнической традицией и своей этнокультурной ситуацией»³⁷.

Именно это явление и удалось наблюдать на примере интерпретации сказки о курочке Рябе ханьскими студентами, которые, сохранив часть основных сюжетобразующих образов и мотивов и сам дух русской сказки, совершенно

³³ Чистов К. В. Японская сказка и русский читатель. С. 155.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 159.

³⁶ Там же. С. 160.

³⁷ Там же. С. 161–162.

видоизменили сам сюжет, наполнив его собственным содержанием, соответствующим национальному менталитету.

К. В. Чистов отмечает, что человек XX в. привык к более детальному, сложному и способному охватить многие стороны человеческого бытия, недоступные сказке, искусству: «Не единой сказкой жив человек». «Но опасно было бы утратить традиции сказки, – пишет он, – как опасно было бы утратить способность питаться хлебом. Речь, разумеется, идет <...> именно о нравственной концепции сказки»³⁸.

К. В. Чистов подчеркивает при этом, что «во всех странах мира фольклор остается неизменным достоянием детской аудитории и первым, самым ранним и вместе с тем самым верным и мощным способом приобщения детей к культуре – и общечеловеческой, и национальной»³⁹.

Изучая восприятие сказки современной аудиторией (это и чтение, и театрализованное представление, и мультфильмы, и кинофильмы), важно отмечать, на наш взгляд, какой исторический, культурологический, мифологический подтекст, какой нравственно-этический концепт сохраняется в сознании людей, а какой исчезает или трансформируется, как изменяется само сознание (и действительно ли оно изменяется), что сохраняет ценность, а что становится анахронизмом и высмеивается. Только так можно понять, насколько мы удалились от истока.

Р. S. Вот сказка, которой как бы и не было в русской народной традиции, но мы с детства воспринимаем ее как нативную, а большинство соотечественников только этот вариант и знают. А сколько концепций уже возникло вокруг этой сказки! Хочется сказать: «Вот так и создается мифологизированная “реальность”!»

В 1920-е гг. вокруг самого жанра сказки шел спор: вред или пользу сказка приносит советскому ребенку. На почве сказки «Курочка Ряба» сцепились две организации: Деткомиссия при ГУСе и Комиссия при Главсоцвосе⁴⁰. Первая была против включения сказки в круг детского чтения, ибо ребенку надо давать «правильные представления о мире». Вторая резонно возражала: «Сказка “Курочка Ряба” помещена в ряде книг для чтения, предназначенных для первых классов сельских шк. Дело педагогов объяснить детям, что золотых яиц куры не несут, и деревенские дети сами это прекрасно знают»⁴¹.

Как выясняется, скрытый смысл простейших сказок надо объяснять не только детям.

³⁸ Там же. С. 161.

³⁹ Там же. С. 159.

⁴⁰ ГУС – созданный в 1919 г. Главный ученый совет при Наркомпросе, без предварительной санкции которого не могла в 1920-е гг. выйти ни одна детская или учебная книга; Главсоцвос – Главное управление по социальному воспитанию при том же наркомате, которое рекомендовало или запрещало уже вышедшие книги «для употребления» в школе. URL: <https://history.wikireading.ru/286414> (дата обращения 08.05.2019).

⁴¹ Янге Е. // Авторский сайт Елены Янге. URL: <http://eyange.ru/> (дата обращения 07.05.2019).

Литература

- Волшебная флейта: Сказки и легенды народов Китая. Новосибирск, 1989.
- Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. (Традиционная духовная культура славян).
- Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Предисл., пер. и коммент. Э. М. Яншиной; отв. ред. Т. В. Степугина. М., 1977.
- Кобзев А. И.* Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1994.
- Кравцова М. Е.* Поэзия древнего Китая. СПб., 1994.
- Малявин В. В.* Китайская цивилизация. М., 2001.
- Попов П. С.* Китайский пантеон // Все о Китае. М., 2001. С. 277–352.
- Сидихменов В. Я.* Китай: страницы прошлого. М., 1978.
- Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.
- Топоров В. Н.* Яйцо мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 681.
- Ушинский К. Д.* Родное слово для детей младшего возраста. Год первый. Азбука и первая после азбуки книга для чтения, с прописями, образцами для первой рисовки и картинками в тексте / Сост. К. Ушинский. СПб., 1895.
- Чистов К. В.* Устная речь и проблемы фольклора // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации / Отв. ред. И. И. Костюшко. М., 1988. С. 326–340.
- Чистов К. В.* Японская сказка и русский читатель // Советская этнография. 1978. № 3. С. 155–162.
- Чистякова А. Н.* Феникс в мифологизированных описаниях (по материалам мифов и сказок Китая) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2007. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. С. 179–188.
- Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. М., 1987.